

Theatre and music.

Concert of Ziloti, Chaliapin and Rachmaninoff.

Art, like people, has its stepsons and chosen ones. To the former it gives thorns, to the latter – roses. Among the latter we include Messrs. Ziloti, Chaliapin, and Rachmaninoff. This bright constellation is a true happening on our musical horizon; their concert is a kind of co-event. Everything in this concert, from the program to the performance, presented profound interest and novelty. Let us begin, for example, with the orchestral overtures of Arensky – “Dream on the Volga,” Tchaikovsky – “Romeo and Juliet,” and his “elegies” and “theme and variations” from the third suite. There was, of course, nothing unknown in them, but many were interested in the conductor Mr. Ziloti himself. Firstly, he is a wonderful musician, versatile and knows the score very well; secondly, his personality as a conductor is also extraordinary. Mr. Ziloti you probably won't see the usual gestures and movements to which the public, and partly even the experts, have become so accustomed. Mr. Ziloti's main focus is music. You'll immediately notice how Mr. Ziloti deftly discards everything layered onto Tchaikovsky's overture by bandmasters pandering to the crowd, and therefore it appears before the listener in a simple, but highly musical and artistic decoration and imagery. The same can be said about “Dream on the Volga” and Tchaikovsky's suite. Simplicity and naturalness, the absence of all kinds of effects and pretentiousness—that is what Mr. Ziloti primarily exemplifies. And in this sense, the “Romeo” overture was particularly superb. One can only wish to see Mr. Ziloti conducting more often.

I turn to Mr. Chaliapin. Here is an artist who is no stranger to the full diversity of lines, characters, and genres! He is most inspired, incomparable, and most inspired of all in his melodrama-oriented romances, in the romances of, for example, Mussorgsky. How well he conveyed “Trepak,” the ballad, his “Rayek,” which in many ways has already faded for our generation, but still amazes with its satire! Before you are whole worlds, psychological subtleties, often astonishing with truth. And yet, no less, Mr. Chaliapin captivates not only with such qualities. The main thing with him is temperament, and in it, after all, any lengthy sweat and awkward compositions burn out and melt. Temperament is everything to Chaliapin; with him, he is Samsop, Mochalov, and it is therefore no wonder that Tchaikovsky's “I Bless You, Forests,” Rubinstein's “The Prisoner,” as if “with a word burn the hearts of people.” The artist also presented a mass of feelings in Rimsky-Korsakov's “The Prophet.” Incidentally, on the evening of December 2nd, he introduced a little-known romance by Rachmaninoff, “Fate,” highly original in its contrasts and the initial melodic duple, taken from Beethoven's Fifth Symphony.

Finally, Mr. Rachmaninoff, as a composer, gave tremendous pleasure that same evening with two movements from his new, never-before-played second piano concerto. His adagio sostenuto is soft in sound, develops smoothly despite the rather frequent changes in tempo and rhythm, the development reveals taste and creativity, and finally, there is a lot of poetry in this movement. Much of what I have just said also applies to the second movement of Mr. Rachmaninoff's concerto, the Allegro scherzando. But here we encounter somewhat different fundamental elements. The themes are developed more strongly here, the composer's sincerity is truly captivating, the harmony is in a purely Russian style, the piano cadenza is not only brilliant, but completely meaningful and suitable to the general background of the rest of the music. The concerto is instrumented superbly: everything in it is done without shouting and pretence, beautifully, airily, and the timbres of the orchestral instruments are suitable for the piano. And in general, the two movements of Mr. Rachmaninoff's concerto

leave nothing better to be desired. As a pianist, Mr. Rachmaninoff has long been known as an excellent artist. talented

There is no need to talk about the exceptional success of all three performers: there was an indescribable groan in the hall from the calls and applause. Samarov.

[Translation: Google]

Театръ и музыка.

Концертъ п. Зилоти, Шаляпина и Рахманинова.

У искусства, какъ и у людей, есть свои пасынки и избранники. Первымъ оно дарить колючіе терніи, вторымъ — розы. Къ послѣднимъ мы причисляемъ гг. Зилоти, Шаляпина и Рахманинова. На нашемъ музыкальномъ горизонтѣ это яркое созвѣздіе, ихъ концертъ — своего рода событіе. Все, начиная отъ программы и кончая исполненіемъ, представляло въ этомъ концертѣ глубокий интересъ и новизну. Начать, хотябы, съ оркестровыхъ увертюръ Аренскаго - «Сонъ на Волгѣ», Чайковскаго - «Ромео и Джульета», и его-же «элегій» и «темы съ вариациями». изъ третьей сюиты. Въ нихъ, разумѣется, не было ничего неизвѣстнаго, но многихъ и многимъ заинтересовалъ самъ дирижеръ г. Зилоти. Это, вопервыхъ, чудесный музыкантъ, - всесторонній и отлично знающій партитуру, вовторыхъ, необыденна личность его и какъ дирижера. У г. Зилоти, пожалуй, вы не увидите обычныхъ жестовъ, движеній, къ которымъ такъ уже успѣла привыкнуть публика, да отчасти и специалисты. Главное у г. Зилоти-въ музыкѣ. Вы сейчасъ-же замѣтите, какъ все наслоенное на увертюру Чайковскаго угодничающими предъ тол-пою капельмейстерами, ловко сбрасываетъ г. Зилоти, и оттого она встаетъ предъ слушателемъ въ простомъ, но въ высшей степени музыкально-художественномъ уборѣ и образности. То-же можно сказать и про «Сонъ на Волгѣ» и сюиту Чайковскаго. Простота и естественность, отсутствіе всевозможныхъ эффектовъ, вычурностей, — вотъ что прослѣдуетъ прежде всего г. Зилоти. И въ этомъ смыслѣ особенно превосходно прошла увертюра «Ромео». Можно только пожелать почаще видѣть г. Зилоти на дирижерскомъ мѣстѣ.

Перехожу къ г. Шаляпину. Вотъ артистъ, которому не чуждо все разнообразіе настроеній, характеровъ, жанровъ! Выше, вдохновениѣ и несравнените всего онъ въ романсахъ мелодекламационнаго направле-нія, въ романсахъ, напр., Мусоргскаго. Какъ мѣтко опъ передалъ «Трепакъ», балладу, его «Раекъ», уже во многомъ, конечно, повыхоодшійся для нашего поколѣнія, но все еще поражающій сатирою! Предъ вами-цѣлые міры, психологическія тонкости, часто изумляющія правдой. И тѣмъ не менѣе, г. Шаляпинъ подкупаетъ не только подобными качествами. Главное - темпераментъ у него, а въ пемъ, вѣдь, перегорають и плавится какія угодно длинпоты и неловкости композицій. Темпераментъ-все Шаляпина, съ нимъ онъ -Самсопъ, Мочаловъ, и немудрено поэтому, если «Благословляю васъ, лѣса» Чайковскаго, «Узникъ» Рубинштейна, точно «глаголомъ жгутъ сердца людей». Массой чувствъ подарилъ артистъ и въ «Пророкъ» Римскаго-Корсакова. Кстати, въ вечеръ 2-го декабря онъ познакомилъ съ мало извѣстнымъ романсомъ Рахманинова, «Судьба», весьма оригинальнымъ по контрастамъ и отпрованому мелодическому двутакту, взя-тому изъ пятой симфоніи Бетховена.

Наконецъ, г. Рахманиновъ, какъ комнозиторъ, доставилъ въ тотъ же вечеръ гронадное удовольствіе двумя частями изъ своего новаго, нигдѣ еще неиграннаго, второго фортепіаннаго концерта. Его *adagio sostenuto* мягко по звучности, плавно развивается не смотря на довольно таки частую перемену темповъ и ритма, разработка изобличаетъ вкус и творчество, наконецъ, въ части этой не мало поэзіи. Многое изъ только что сказаннаго мною относится и ко второй части концерта г. Рахманинова, къ *Allegro*

scherzando. Но здесь мы сталкиваемся нѣсколько и съ иными основными элементами. Тематизмъ тутъ развитъ сильнѣе, искренность автора прямо уже увлекаетъ, гармонія въ чисто русскомъ стилѣ, каденція фортепіано не только блестящи, но вполне осмысленны и подходящи къ общему фону остальной музыки. Инструментованъ концертъ безподобно: все въ немъ обходится безъ крику и преднамѣренія, красиво, воздушно, да и тембры оркестровыхъ инструментовъ подходящи къ рояльнымъ. И вообще двѣ части концерта г. Рахманинова не оставляютъ желать ни-чего лучшаго. Какъ піаниста, г. Рахманинова давно уже знаютъ за и превосходнаго артиста. Объ исключительномъ успѣхѣ всѣхъ трехъ концертантовъ нечего и говорить: отъ вызывовъ и рукоплесканій въ залѣ стоялъ неописуемый стонъ. Самаровъ.